

История России как консервативный проект: Н.М. Карамзин и С.Н. Глинка

В начале XIX века Российская империя столкнулась с беспрецедентными в своей совокупности историческими и цивилизационными вызовами – Французской революцией, наполеоновскими войнами, либеральными реформами Александра I и его молодых друзей. «Французская революция явилась тем поворотным пунктом в русском сознании, который поставил под сомнение сами основы европейской жизни и вызвал вопросы в смысле того, чего же достигли европейские народы в своем развитии», а затем закономерный вопрос о том, стоит ли России заимствовать «катастрофичный» европейский опыт. В данном контексте прозападные либеральные реформы нового царствования ассоциировались с прямой революционностью, казавшейся тем более опасной на фоне грядущей большой войны с Наполеоном. Осмысление этих проблем консолидировало консервативные силы русского общества, а лейтмотивом их рефлексии сделало понятие «народности» как идеи национальной самобытности, раскрываемой, в частности, и через историю» [39, с. 48, 45]. Именно консерваторы – Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) и Сергей Николаевич Глинка (1775/76–1847) – впервые создали труды по русской истории, адресованные широкому кругу читателей.

При несопоставимости масштабов личности и таланта Карамзина и Глинки, в их биографиях и идейном развитии можно обнаружить много схожих черт. Оба были выходцами из семей небогатых провинциальных дворян; оба получили европеизированное образование, основанное на принципах Просвещения, некоторых идеях романтизма и масонства; оба пережили эволюцию взглядов от западничества и чисто платонического республиканизма (ибо ни Карамзин, ни Глинка никогда всерьез не примеряли республиканские одежды на российскую действительность) к патриотизму и апологетике самодержавия. Идейному самоопределению и того, и другого способствовало изучение русской истории, сюжеты которой составляли значительный массив материалов издававшихся ими журналов.

Л.Н. Киселева утверждала, что название журнала С.Н. Глинки «Русский вестник» было «полемиически заострено» против «Вестника Европы» Н.М. Карамзина [27, с. 54], но по своему программному содержанию эти издания были весьма похожи: полемизировали с идеями европейских просветителей, осуждали Французскую революцию, критиковали галломанию русского образованного общества, утверждали необходимость отечественного воспитания и ценность национальной традиции, сформированной историческим развитием

Лупарева Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Воронеж). E-mail: nadezhda.lupareva@yandex.ru

русского народа и государственности. Однако Карамзин вступил на этот путь почти на десятилетие раньше, чем Глинка.

Уже в «Письмах русского путешественника» (1791–1792) Карамзин сетовал на отсутствие «хорошей российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием» [25, с. 66]. Издавая «Вестник Европы» в 1802 году, он обобщал уроки Французской революции, акцентируя внимание на историческом опыте общественно-политического развития как гаранте государственной стабильности: «мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих... что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума» [26, с. 181]. В статье «О любви к Отечеству и народной гордости», также опубликованной на страницах журнала в 1802 году, он выступил с яркой патриотической манифестацией: «Я не смею думать, чтобы у нас в России было немного патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, чтобы любовь к Отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою... Мы не имеем нужды прибегать к басням и выдумкам, подобно грекам и римлянам, чтобы возвысить наше происхождение: слава была колыбелью народа русского, а победа вестницей бытия его» [24, с. 197–198]. В другой статье «Вестника» Карамзин говорил о необходимости изучения отечественной истории в целях системного понимания событий современности [34, с. 90]. В 1803 году он обратился в Министерство народного просвещения с просьбой об официальном назначении его историографом, которая вскоре была удовлетворена особым указом, и Карамзин, по словам П.А. Вяземского, «постригся в историки».

В 1803–1811 годах были написаны первые пять томов «Истории государства Российского». Работа Карамзина была приостановлена Отечественной войной и возобновлена с возвращением историографа в Москву в 1813 году. В 1818 году вышли в свет первые восемь томов «Истории», напечатанные без цензуры. В 1821 году был опубликован девятый том, в 1824-м – десятый и одиннадцатый. Двенадцатый том опубликован посмертно, в 1829 году [33, с. 225].

Согласно воспоминаниям П.А. Вяземского, Карамзин планировал довести повествование до воцарения династии Романовых, а затем дать сжатый, но полный очерк новейшей истории до александровского царствования [7, с. 203]. Однако смерть прервала труд историографа на событиях междоусобия 1611–1612 годов. Поэтому для осмысления историософии Н.М. Карамзина представляется целесообразным привлечение «Записки о древней и новой России», написанной лично для императора Александра I и содержащей консервативную критику его реформ, обоснованную обширным, кратко, но емко изложенным историческим материалом [32, с. 188–190].

В предисловии к «Истории» Карамзин оговаривает ее дидактическое назначение: «История в некотором смысле есть священная книга народов... завет предков к потомству... Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей». Главная мысль, которую должны постичь читатели его сочинения – та, что «самодержавие есть палладиум России» [23, с. 323]. Уникальность российской истории заключается в том, что «Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов... Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие... в России оно утвердилось с общего согласия граждан... и рассеянные племена Славянские основали Государство» [21]. Таким образом, Карамзин обосновывал мысль об отсутствии в социальном строе России каких бы то ни было зачатков будущих общественных или политических

конфликтов, в отличие от стран Европы [см.: 39, с. 64]. Кроме того, на основании приведенного отрывка можно если не усомниться в позиционировании Карамзина как классического норманиста, то отметить, что он не стремился унижить достоинство русского народа у самых истоков его истории. Напротив, он подчеркнул высокий уровень политического и правового сознания восточнославянских племен, самостоятельно пришедших к мысли о благодетельности единой государственной власти.

Согласно Карамзину, «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием» [23, с. 240]. Самодержавие стало результатом длительного исторического развития русского государства и «достохвальных усилий Князей Московских, от Калиты до Василия Темного» [22, с. 656]. Однако «первым, истинным Самодержцем России» стал Иван III [22, с. 658], государь, которого Карамзин выделяет как самого выдающегося в отечественной истории. А также как героя всемирной истории, появившегося на политической арене «в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом Государей возникала в целой Европе на развалинах системы феодальной, или поместной» [22, с. 654]. Именно с правления Ивана III «История наша приемлет достоинство истинно государственной» [22, с. 424]. Именно Иван III, «наблюдая во всем достоинство Монарха», старался приучить своих подданных к «благоговению пред его священным саном», «умножал внутреннюю силу России строгим действием Самодержавной власти» [22, с. 478]. Именно Иван III являл пример умного и мудрого государя, не пресекавшего границ своих полномочий. Так, борьбу с губительной для государства удельной системой Иван III проводит без «явного нарушения торжественных условий, без насилия дерзкого и опасного, верно и прочно: одним словом с наблюдением всей свойственной ему осторожности» [22, с. 488].

Таким образом, согласно Карамзину, самодержавный монарх «в высшей степени связан нравственными требованиями... поскольку эти требования превратились в течение веков в прочные и глубоко укорененные традиции. Для Карамзина именно эти традиции, а не формальные правовые установления и внешнее государственное устройство – подлинная гарантия того, что в государстве будут преобладать право, справедливость, добро и что подданные будут счастливы. Если монарх царствует добродетельно в согласии с этими традициями, то он остается на правильном нравственном пути, на пути справедливости и не только сам он, он и наследника своего вынуждает идти по тому же пути [см.: 31, с. 100]. Соответственно, самодержавие для Карамзина означает «не столько неограниченность, сколько неделимость власти», и существуют сферы общественной жизни, на которые самодержавная власть не может распространяться. Такой сферой, помимо нравов и обычаев народа, является сфера церковной жизни [28, с. 180]. Само же православие являлось своего рода «совестью» самодержавной системы, задающей нравственные координаты для монарха и народа, как в стабильные времена, так и особенно в эпохи потрясений [35, с. 28].

Интересно, что в этом контексте Карамзин проводит параллель между Иваном III и Петром I в связи с масштабным характером их государственных преобразований: «оба без сомнения велики; но Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных».

В «Истории», прервавшейся на начале XVII столетия, Карамзину не удалось раскрыть ужасную, с его точки зрения, ошибку петровских реформ, однако в «Записке о древней и новой России» он обвинил считавшегося до того времени национальной иконой императора в том, что страсть к нововведениям

«преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств... Искореня древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце», фактически уничтожая способность народа к великим делам [23, с. 250], коими так богата допетровская история Руси. Ведь именно народ, осознав пользу и выгоду самодержавия [23, с. 240], сохранял верность этой системе власти даже в страшнейший период опричнины [23, с. 242]. А в 1612 году, проявив «удивительное единодушие», «Веру, любовь к своим обычаям и ненависть к чужеземной власти», освободил Москву от польских интервентов и прекратил Смуту возведением на престол династии Романовых [23, с. 246–247].

Ю.М. Лотман отмечал некоторую ограниченность названия исторического труда Карамзина: начиная писать его как историю российского государства, автор по мере углубления знаний об отечественном прошлом явно усилил акцент на роли народа в исторической судьбе России [30, с. 577, 583–584]. Лотман указывал даже на нежелание Карамзина «писать о периоде, когда государство достигает больших успехов и действительно становится в центр исторической жизни – о периоде Петра I» [30, с. 584].

Самодержавие интерпретировалось Карамзиным как «умная политическая система», которая зависела не только от личных свойств, ума, воли отдельных правителей, но и от сложного взаимодействия национальных традиций в сфере государственных и общественных отношений [34, с. 333]. Изменение хотя бы одного из этих элементов неизбежно влекло за собой ослабление всей системы, тем более недопустимо было изменение сути самодержавия самими русскими монархами. Так, европеизация и секуляризация общественной жизни при Петре I привели к опасному социо-культурному разрыву между высшими и низшими сословиями, «и русский земледелец, мещанин, купец увидели немцев в русских дворянах» [23, с. 251]. А еще они привели к ослаблению положения духовенства, которое из наставников и нравственных судей превратилось в «угодников царей» [23, с. 254]. Итогом правления Петра стала эпоха дворцовых переворотов, когда аристократия и олигархия «губили отечество» [23, с. 255–256]. В конце «Записки» Карамзин критиковал реформы Александра I и говорил о неправомерности ограничения самодержавия.

Интересно, что «Русская история» С.Н. Глинки увидела свет на год раньше сочинения Карамзина. Впервые она была частично опубликована на страницах «Русского вестника» в 1817 и 1818 годах [29, с. 401–406]. Помимо этой публикации книга выдержала три издания: в 1817–1818 и 1818–1819 годах под названием «Русская история в пользу воспитания» в восьми частях; в 1823–1825-м под названием «Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой» в четырнадцати частях.

В «Записках» С.Н. Глинки содержится рассказ о том, почему первое издание его истории в названии получило пояснение «в пользу воспитания». Объявления о выходе книг тогда помещались в «Московских ведомостях» при наличии подписи полицейского начальства. Последнее отказалось подписать историю Глинки в связи с тем, что по высочайшему распоряжению российскую историю в это же время писал Н.М. Карамзин. Глинка, «не пускаясь в рассуждения», «взял перо и написал: “В пользу воспитания”», благодаря чему и получил необходимую подпись [8, с. 356]. То есть его труд изначально не был предназначен только для юношества, он был адресован широкой читательской аудитории.

Тем не менее назидательный характер его работы очевиден. Характеризуя содержание своей книги, Глинка писал: «Наблюдая отечественные происшествия, я старался показывать, от чего возвышались души, от чего ослабевала нравственность; наконец, от чего потрясилось основание Веры

и законов» [9, с. XVIII]. Эта информация, с его точки зрения, должна была стать частью коллективной памяти народа и давать примеры поведения в той или иной общественно-политической ситуации: «Если не будем обращать к пользе общественной примеров, сохранных в летописях; тогда *История* будет бесполезной сказкой» [10, с. 140].

Достоверно установить, какими источниками и литературой пользовался Глинка при написании «Русской истории», сложно. Никаких ссылок в своей работе он не делал, объясняя это желанием не надоедать читателю [9, с. XIV]. Т.А. Володина отмечает знакомство Глинки с основным кругом сочинений по истории России – трудами В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, А.-Л. Шлецера [4, с. 148]. Но почерпнутые в источниках и исторических сочинениях факты Глинка «преображал» в соответствии со своим «русским направлением». Так, например, пытаясь опровергнуть норманнскую теорию, он сконструировал довольно стройную концепцию. Глинка утверждал, что руссы были одним из славянских племен, но переселились за Ладожское озеро. Там они соседствовали с варягами и, конечно, подверглись их влиянию, однако варяжских грабительских нравов не переняли. Отсюда и был призван Рюрик. Таким образом оказывалось, что он принадлежал к славянскому корню [9, с. 8–26]. В соответствии со своими патриотическими убеждениями Глинка объяснял и многие другие исторические факты: название «славяне» произошло от славы [9, с. 25–26], а опричники Ивана Грозного были вовсе не русскими, а татарами, и этим объясняется их жестокость [15, с. 112–133].

Как и в случае с «Историей государства Российского», нас интересует прежде всего центральная идея «Русской истории». Коренным началом русского духа Глинка считал монархизм. Уже в IX веке славяне поняли, что «народное правление, возрождающее буйство и своеволие, вредно в земле великой и обильной», и добровольно установили «наследственную власть» [9, с. 64]. Принятие христианства закрепило установившийся политический порядок, связав народ «единодушием» и стремлением к «общей пользе». Все кризисы русской государственности были связаны с тем, что «Вера», «единодушие» и «общая польза» забывались в угоду «своеволию», «разномыслию» и исканию «личной выгоды».

Так было в эпоху феодальной раздробленности и последовавшего за нею монголо-татарского ига [10, 11], правления Ивана IV [12], в период Смуты [16], в эпоху дворцовых переворотов [18]. Но всякий раз политическое чутье русского народа способствовало восстановлению национальной политической системы. В этом смысле апофеозом русской истории для Глинки было начало XVII столетия, когда «самодержавие утвердилось в России верою и единодушным избранием на престол Царя Михаила Феодоровича» [9, с. 64]. Причем, с точки зрения Глинки, избрание нового царя было прямым проявлением божественной воли: «Разврат повсюду свирепствовал... К умилоствлению судеб небесных, учрежден был трехдневный пост. Смирение и кротость успокоили волнение душ и умов. Жители различных городов и всякого звания, собираясь в престольный град, начали помышлять о избрании на престол Михаила Феодоровича Романова». Изъявляя свою волю, представители всех сословий от разных русских земель утверждали, что «Бог вразумил» их принять такое решение [17, с. 5]. Таким образом, Глинка акцентировал внимание на том, что русская государственность имела аутентичный, а не привнесенный извне характер, и противопоставлял ее консервативную, патриархальную природу, нашедшую выражение в особом типе политического строя – самодержавии, либеральным политическим ценностям.

Интересно, что Глинка, доведший повествование до 1812 года, не разделял отечественную историю на периоды Московской Руси и Петербургской

России. Царствование Петра I [13, 14], а также Екатерины II [19, 20] он оценивал в контексте продолжения государственных традиций XVII века, создавая образы отца и матери Отечества, приверженных исконно русским национальным началам. Исходя, подобно Карамзину, из представления о значительной роли великих личностей в истории, Глинка отводит эту роль не Ивану III или какому-либо другому государю доимперской эпохи, а Петру I. Образ Петра в «Русской истории» не продолжает традиционный для XVIII века миф о «демиурге» России, но развивает идею «работника на троне», действующего в соответствии с национальными традициями.

Например, «юный Петр своим примером возобновил то воспитание, которое укрепляло тело и душу. Владимир Мономах и другие Русские князья любили труд и укреплялись трудами. Сие воспитание было почти совсем забыто» [17, с. 156]. Или, будучи религиозным, подобно всем русским государям, Петр «по ревности к Богопочитанию» предписал, «чтобы в храмах Божиих соблюдать благоговение, приличное сынам Веры. Соболезнуя о голоде, свирепствовавшем тогда в некоторых областях России, великий сей хозяин благо-разумными мерами обуздal корыстолюбцев, забывших Веру и человечество» [14, с. 200–201].

То, что «Русская история» выдержала фактически четыре издания за столь короткий период, говорит о ее популярности среди читающей публики. Книга обладала всеми необходимыми для этого качествами: она была написана легко, интересно и увлекательно; Глинка приоткрыл завесу тайны над эпохой дворцовых переворотов, о которой современники автора имели достаточно смутное представление [5, с. 161–162].

Однако после публикации «Истории» Н.М. Карамзина, которому Глинка уступал и в качестве проработки источников, и в глубине осмысления исторического развития России, и в художественной выразительности изложения, на «Русскую историю» обрушился шквал критики. В результате третье издание «Истории» оказалось нераскупленным. За Глинку вступился сам Н.М. Карамзин, который ходатайствовал перед министром народного просвещения А.С. Шишковым о предоставлении Глинке средств для погашения долга в типографии Московского университета и настаивал, что «Русская история» «по изложению происшествий и по нравственной цели заслуживает быть классической книгой» [6, с. 442; 8, с. 394; 37, с. 399–400]. Фактически это означало признание книги пригодной для различных учебных заведений. Долг в типографию был уплачен, однако статуса классической работа Глинки всё же не получила.

Несмотря на то что «История государства Российского» Н.М. Карамзина заняла место среди классических работ отечественной историографии, а «Русская история» С.Н. Глинки оказалась забытой уже при жизни автора, эти книги, безусловно, стоят в одном ряду. Обе они появились в эпоху, когда, говоря словами П.А. Вяземского, «Россия не была еще отыскана» [6, с. 437], знания подавляющего большинства общества об отечественной истории были скудными. Обе были написаны языком, доступным широкому слою образованного общества, причем не только привилегированным. Значение этого фактора хорошо сформулировал В.Г. Белинский, характеризуя редкую в то время способность Карамзина «говорить с обществом языком общества, а не книги. Бывшие до него историки России не были известны России, потому что прочесть их историю могло только одно испытанное школьное терпение» [3]. Слог Глинки был менее совершенным, чем карамзинский, а склонность к морализаторству и модернизации исторических событий более очевидной, зато именно его сочинениями зачитывался крестьянский сын, маленький Миша Погодин [36, с. 138], который, уже будучи профессором Московского универ-

ситета в 1840-х годах, благодарил Глинку за то, что тот возбудил в нем «первое чувство любви к Отечеству, Русское чувство» [цит. по: 2, с. 34].

Н.М. Карамзин и С.Н. Глинка были одними из первых среди тех, чья деятельность способствовала тому, чтобы, по выражению К.С. Аксакова, «русское дело двинулось вперед» [1]. Исторические сочинения обоих показывали традиционность для России консервативных ценностей, таких как сильная монархическая государственность, значимая роль религии и церкви в общественно-политической жизни, семья как основа всех общественных отношений. «Русская история представляет всегда Россию одним семейством, в котором государь отец, а подданные дети. Отец сохраняет над детьми полную власть, предоставляя им полную свободу. Между отцом и детьми не может быть недоверчивости, измены; судьба, счастье и спокойствие их – общие. Это обо всем государстве, но и в частях его примечается отражение того же закона: военачальник должен быть отцом своих воинов, помещик отцом крестьян, и даже служители в доме всякого хозяина называются на древнем выразительном языке нашем домочадцами. Пока этот союз свят и нерушим, до тех пор спокойствие и счастье, – лишь только, где бы то ни было, он начинает колебаться, как и беспорядок, замешательство, тревога. Вот тайна русской истории, тайна, которой не может постигнуть ни один западный мудрец» [38] – этот пассаж М.П. Погодина в «Историческом похвальном слове Карамзину» безусловно навеян и сочинениями Глинки.

Очевидно, что оба историка оказали решающее влияние на формирование официальной историографии николаевского царствования и создание знаменитой консервативной формулы «Православие. Самодержавие. Народность». А.И. Тургенев под впечатлением от чтения Карамзиным отрывков из своей «Истории» писал к брату: «Не только это будет истинное начало нашей литературы; но и история его послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического чувствования» [цит. по: 30, с. 578], – почти дословно определив элементы будущей уваровской триады.

Литература

1. Аксаков К.С. О Карамзине: Речь, написанная для произнесения пред симбирским дворянством // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006.
2. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8.
3. Белинский В.Г. История государства Российского, сочинение Н.М. Карамзина // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006.
4. Володина Т.А. Русская история С.Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. // Вопросы истории. 2002. № 4.
5. Володина Т.А. Сергей Николаевич Глинка // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005.
6. Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка // Глинка С.Н. Записки. М., 2004.
7. Вяземский П.А. Старая записная книжка. М., 2003.
8. Глинка С.Н. Записки. М., 2004.
9. Глинка С.Н. Русская история в пользу воспитания. М., 1818. Ч. 1.
10. Глинка С.Н. Русская история в пользу воспитания. М., 1818. Ч. 2.
11. Глинка С.Н. Русская история в пользу воспитания. М., 1818. Ч. 3.
12. Глинка С.Н. Русская история в пользу воспитания. М., 1818. Ч. 4.
13. Глинка С.Н. Русская история в пользу воспитания. М., 1818. Ч. 6.
14. Глинка С.Н. Русская история в пользу воспитания. М., 1819. Ч. 7.
15. Глинка С.Н. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой. М., 1823. Ч. 4.
16. Глинка С.Н. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой. М., 1823. Ч. 5.
17. Глинка С.Н. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой. М., 1818. Ч. 6.
18. Глинка С.Н. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой. М., 1823. Ч. 8.
19. Глинка С.Н. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой. М., 1823. Ч. 9.
20. Глинка С.Н. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой. М., 1823. Ч. 10.
21. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Ч. 1. Т. 1–4.

22. Карамзин Н.М. История государства Российского // Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А.Ю. Минакова. М., 2013.
23. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А.Ю. Минакова. М., 2013.
24. Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А.Ю. Минакова. М., 2013.
25. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А.Ю. Минакова. М., 2013.
26. Карамзин Н.М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А.Ю. Минакова. М., 2013.
27. Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н. Глинки (1807–1812) // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1981. Вып. 513.
28. Китаев В.А. Николай Михайлович Карамзин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2005.
29. Колюпанов Н. Биография А.И. Кошелева. М., 1889. Т. I. Кн. 2.
30. Лотман Ю.М. Колумб русской истории // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб.: Искусство-СПб., 1997.
31. Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995.
32. Минаков А.Ю. Записка о древней и новой России // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010.
33. Минаков А.Ю. Карамзин Николай Михайлович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010.
34. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.
35. Минаков А.Ю. Предисловие // Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А.Ю. Минакова. М., 2013.
36. Можеева Г.В. Погодин М.П. // Историки России: Биографии. М., 2001.
37. Письмо Карамзина к Шишкову о Глинке // Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 2.
38. Погодин М.П. Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 года, в собрании симбирского дворянства академиком М. Погодиным // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006.
39. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Н.М. Карамзин / Под ред. А.А. Ширинянца. М., 2001.

Аннотация. Статья посвящена исследованию идейно-политической платформы исторических сочинений Н.М. Карамзина и С.Н. Глинки. Представленные ими трактовки русской истории определили традиционные русские ценности как консервативные, базирующиеся на монархизме, религиозности, патриархальности общественного устройства, и оказали значимое влияние на консервативную мысль царствования Николая I.

Ключевые слова: русский консерватизм первой четверти XIX века, Н.М. Карамзин, С.Н. Глинка, православие, самодержавие, народность.

Nadezhda Lupareva, Ph.D. in History; Lecturer, Humanities and Socio-Economical Science; Air Force Military Educational and Scientific Centre, “N. Zhukovsky and Yu. Gagarin Air Force Academy” (Voronezh). E-mail: nadezhda.lupareva@yandex.ru

The History of Russia As a Conservative Project: N. M. Karamzin and S. N. Glinka

Abstract. The article is devoted to the research of ideological and political basis in the historical works of N. M. Karamzin and S. N. Glinka. Their versions of Russian history determined traditional Russian values as conservative, based on monarchism, religiosity, patriarchal model of society. The historical concepts of Karamzin and Glinka predetermined the conservative ideas of the second quarter of the 19th century.

Keywords: Russian Conservatism of the First Quarter of the 19th Century, N. M. Karamzin, S. N. Glinka, Orthodoxy, Absolute Monarchy, Nationality.